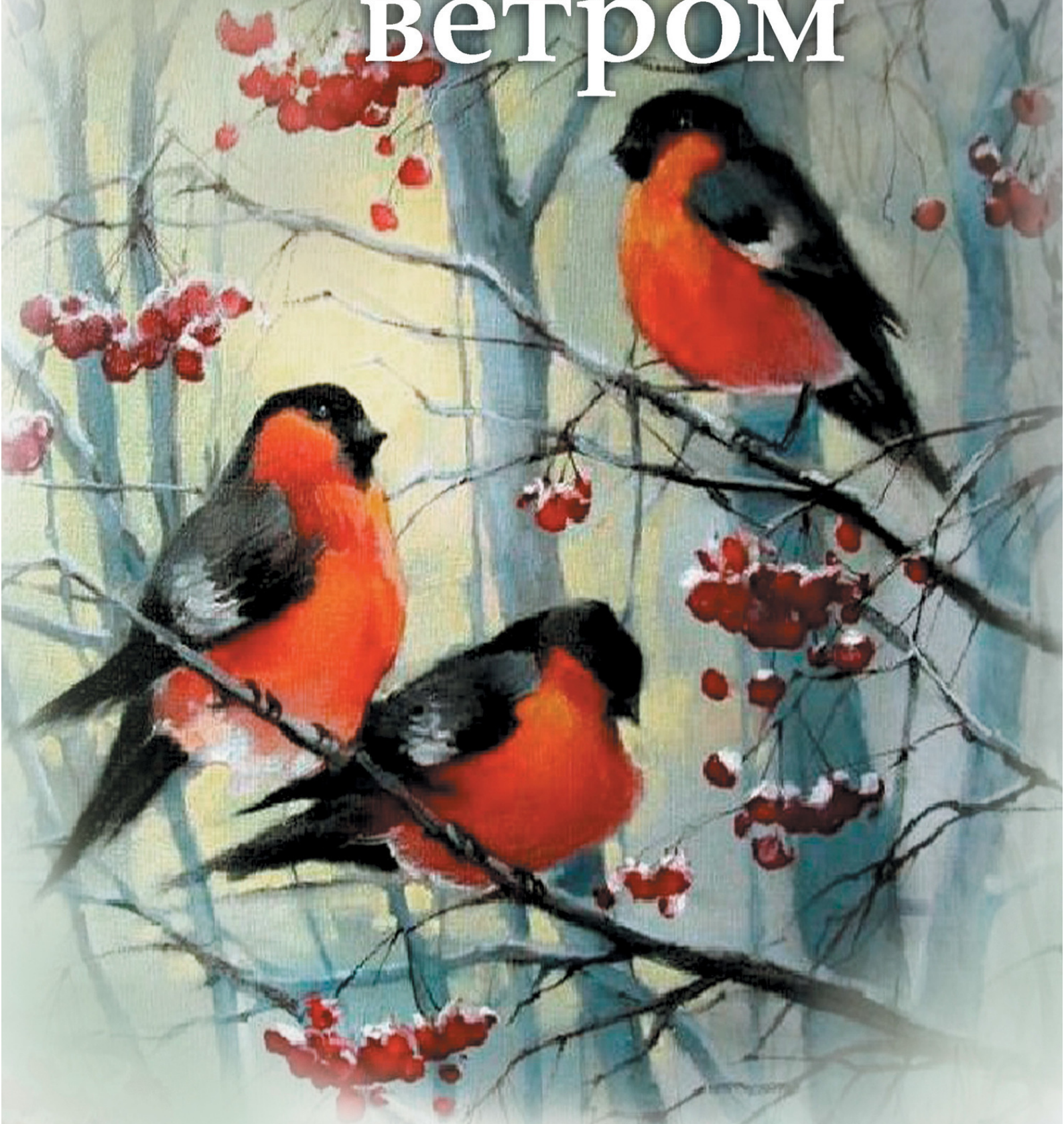

Елена Щербакова

СВ
ОБРЕМЕННИКИ
И ЛАСИКИ

Лёгким ветром

Современники и классики

Елена Щербакова

Легким ветром

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Щербакова Е. Е.

Легким ветром / Е. Е. Щербакова — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-907306-10-3

В книге из прозы и лирики можно ярко представить быт московских дворишков, иллюзии загородной жизни, некоторые тупиковые ситуации, из которых порой можно выйти с помощью юмора догадок и предположений. А если иметь широкие понятия и большое терпение, то уехать в Африку, в ком-то увидеть человека – гиганта, в другом – маленькую мошку, в третьем – мыслящего или наоборот очень непонятливого, но почему-то симпатичного. Может, вдумчивый читатель где-то найдет карикатуру, а может, чей-нибудь портрет. Может, посочувствует, как трудно подниматься вверх за достижениями. Или увидит некий способ находить себе друзей и защиту. Ведь в большом городе что-то засекречено, закралось под схему, как в стихотворении «Челеста» и порой поддается интуитивному чувству. А может чем-нибудь очароваться, как в сказках о камнях-самоцветах, и мир заиграет в волшебных красках.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-10-3

© Щербакова Е. Е., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Новеллы	7
Сказка о друзовцах	7
Государева сказка	9
Они еще юные	10
Налегке	11
Любимая тропка	13
Обед Енютина	15
Вирус «Я»	17
Слива	19
1	19
2	20
3	22
Наше, родное... русское	24
Рубль в кармане	25
Облако Айвазовского	26
Удав решил съесть крокодила	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Евгеньевна Щербакова
Лёгким ветром
Сборник

Щербакова Елена Евгеньевна

Член Академии Российской Литературы, МГО Союза Писателей России, Награждена 7 медалями (Юбилейная медаль им. М. Ю. Лермонтова, Юбилейная медаль «60-летие Союзу

писателей России», медаль за литературный вклад им. Н. П. Огарева, 3 Памятных медали участника Всесоюзного литературного конкурса «Герои Великой Победы», медаль им. М. Басё). Издала более 40 авторских книг, в которые вошли новеллы, очерки, рассказы о севере, сказы, сказки, лирика и пьесы, а также биографические и литературные дневники. Публиковалась в альманахах, журналах, газетах. Переводилась на английский, японский, польский, болгарский, французский, арабский и греческий языки. Издатель произведений И. С. Тургенева и Ж. Верна.

Новеллы

Сказка о друзовцах

Друзовцы? Кто это такие? Это новое слово или самоназвание? Но мы-то сами знаем: друзовцы – это мы, да, мы, не все там дамы, есть и мужчины тоже. Просто это наш коллектив, как различные соединения кристаллов, это и есть друза. Словно специально природа над камнем поработала: вытесывала, создавала, спорила, принимала, как по спецзаказу, – сердобольная она, природа. Каждый кристалл, как человек, дорог, как пальчики на его руках. Целое соединение, друза, вроде государства в государстве в своем микромире. И всегда гостеприимна. Для своих и для чужих. Смотришь на нее и дивишься. Оттого ли, что в ней собрались чудаки, а по-другому – творческие люди, поэты, писатели, и вообще добрые, кто хочет поделиться сердечным. Вот такие они, друзовцы. Что тут хитрить? Ведь бывает и жестко, приходится терпеть, соглашаться. Погрешности разве прощаются? Но какое заглядение и радость оттого, что ты освоил высокое точное мастерство и попал в ряды «Друзы», снова встретил своих, не потерял их, не оступился – такой заколдованный круг. И восторг оттого, что попал сюда, в кузницу мастеров, смог принять сложные условия, требующие совершенства, преодолел, обошел жесткие, строгие, полные опасностей препятствия, стал тоже друзовцем. Словно сам Творец протянул свою десницу нам, чтобы выйти в свет. Такой Он Всепроникающий, отражающий само звездное небо.

Вслед за Ним и мы проникаемся Всепониманием и Всеприниманием. Внимательно поглощаем своим умом Всесущее, Всеединства и Всеначала. Закладываем одно и другое на свои основы. Такой рост. Наверно, творческий. Непростой рост. Так же трудно и медленно растет кристалл, друза.

Если подумать, как математик, то есть сделать сложное простым, разложить непонятное по полочкам, встает вопрос: из чего же сложился наш коллектив? Все будто бы на ладони, видны и так, и будто просты, даже наивны, что и присматриваться не к чему, как к камню, что валяется под ногами. Однако это обманчивость. Даже в блеклом камушке есть определенный, качественный модуль, и из такого соединения можно вывести и логарифм, и свой знаменатель.

Лежит на столе друза, играет своими гранями, будто разные страницы сказов интригуют. Интересно, заманчиво, хочется полюбопытствовать, заглянуть, присмотреться.

Но вот в ней будто бы появилась серая полоса, как скажут геологи, жилка такая прошла, может черная, белая, красная. Ко всему надо быть внимательным, философом, который благодаря своим понятиям может и иголку отыскать в стоге сена. На слух непонятно: то ли камушек разглядывают, как книжку, то ли книжка сложная и тяжелая, как камушек.

Играет камушек друзы – кому интересен, а кому просто ненужная вещь. Нечто накрепко припочковалось в ней, как в «Друзе» друзовцы. А другое соединение – так, ради пометы или вообще прошло без интереса. Не все так просто, и гладко, и одинаково, как кажется на поверхности. Казалось, неуютно скрипит дверь, словно сама алмазная друза принялась рисовать по стеклу или металлу, со скрипом вычерчивать скрижали. Жесткие кристаллы производили катастрофически страшный звук, притягивая к себе небесные светила, словно мчится золотая колесница по небу. Это так настораживало и беспокоило, что сама Луна-полуночица вышла на дежурство, села за чтение «Друзы», открыла новую страницу ее истории.

– Может, ей пишут небесные жители?

– Может, объявился косолапый невежа, что всех распугал своим замешательством, как говорится, наломал дров? И теперь друзовцы за делами: отбирают, где зерна, где плевелы?

– А может, – смеется широко Луна, – я нашла след, такой непонятный, неровный. Только хочу догадаться, чей он.

Луна предложила свою небесную обувь – небоступы, чтобы в них было легко бегать по небу и читать предсказания, отыскивать небесные следы, Сверхданное.

Луна посмотрела на «Друзу». Издали ей казалось, что так светит звездочка своими лучами, и сказала:

– А там было много света. Вот какие я нашла следы. Их оставили ушедшие друзовцы. Вон. От кого след памяти, от кого след звука, чистоты, от кого след улыбки. Только не вижу, не разгляжу, кто все там танцует, или просто вертится, или жужжит. Вроде сплошная жирная точка далеко-далеко. Даже на муху похоже, что расправила крылья и растопырила лапки и хочет взлететь.

Но только в ночном небе оказались поэты-друзовцы: юморист Павел Глодов широко улыбнулся, качаясь на полумесяце, махнул рукой, будто позвал: заходите сюда, посидим все вместе, лавка большущая. А Лида Луткова спорно пустила стрелу-замечание: разве можно взлетать так высоко, это опасно – подниматься на такие высоты. Она закинула на лунный стол свой том метафизических сонетов и сказала: «Не поднимайтесь, вы сорветесь, сядем на мой корабль, и держитесь курса». И вдруг послышался тонкий голосочек Иры Кучеренко, тихая мелодия, словно к Луне подлетел мотылек, как к ночной лампе, и пропищал.

Ира пела тихую песенку про свирель. Голос ее такой неустойчивый, ломался, как хрупкая соломинка, но создавал настроение. Вот такая она девочка-припевочка, тихо дразнилась тоненькой юбочкой, почти совсем незаметно.

И хотелось взять ручку и расписать для Ирочки все-все на память. И звезды стали казаться такими узелками, которые нельзя, невозможно потерять, забыть, чтобы исчезнуть навечно.

И друзовцам на земле казалось, что звезды – это такие номера книг, из которых можно было бы собрать книжную фреску и раскрасить целое небо, вернее, небесную твердь.

И засмеялось Синее небо:

– Как книга имеет твердь, так и небо имеет твердь. Я повторю все книжные уроки. Да разве они уроки? Разве стихия знает уроки? Это сплошная гармония.

– Да-да! – возопили книги. – Нас всех сложили по закону сингармонизма, Синее небо. Мы все оставили в жизни большую желтую полосу, как эта лунная дорожка.

– Какое здесь строгое жюри, – застеснялось Синее небо. – А наши поэты превратились вслед за Ирочкой в маленьких книжных фей и полетели.

– Луна ослепительно белая, как лед, – сказала Лида.

– Синее небо льет сильно чернила. – Глодов Павел очень насторожился.

– Почему-то литературное лето было короткое, как бабье, – радостно взмахнула крыльшками Ира Кучеренко, будто погода стала совсем лётная.

– Это же приметы творчества, – решили земные друзовцы, просмотрели книги, сложили канцелярские принадлежности и вышли из своего кабинета.

Наверное, искать новые приметы и следы своих товарищей.

08.03.17

Государева сказка

Есть два разных по смыслу выражения, паронимии: ходить по миру и по миру пойти. Одному аналогичны сенсолигизмы: парад, торжество, шествие, победа, мажор. Другому – поражение, беда, разорение, несчастье, минор.

Как тут не вспомнить такие старорусские места, как Переславль-Залесский, Кошчевку, Берендеев лес, Клязьму.

Как говорили в старину мастера, чем шире раскрываются клещи кузнеца, тем сильнее и уживчивее хозяин, приберет к своим рукам все; тем более склонен к завоеваниям князь в походе, тем сильнее и активнее он в мировых соглашениях. Тут побочно интересен образ маленького кудрявого Леля. Кто он – то ли из златокузницы кузнеца, то ли просто солнечный мальчик.

Стоит страх, точно лежит в поле голова мертвого коня Олегова. За лесом не спрячешься, но и в лес не убежишь. Нельзя его вырубить, чтоб обнаружить всех разбойников. Но и насадить самим весь лес тоже не получится.

Берендеев лес. От какого слова «берендей»? Значит бередить, брести, бродить, идти значит. Но брести, может, что и обрести. Или для этого лучше себя чем-то оградить? Заклеймить место, как князь, купить титул, или взять посох и опираться на него, обратиться к сверхъестественным силам, или понадеяться на точную науку липосеологию. А может, поболеть за канадский футбол.

Хотя можно побродить по лесу и поразмышлять. Это чем-то похоже на импровизацию на фортепиано, игру для утехи и души.

Может, это спасет положение и поможет выйти из конфликтов. Такой этот безобидный вопрос о культуре. Но и он не может полностью защитить себя.

Перед каждым стоит альтернатива, что работает, как нещадный инструмент, – быть или не быть. Как Кошчева игла, искушает вопрос: выступать активно или полжизни проспав в психушке? Или стать Музой с большой буквы, на худой конец, или сумасшествовать, довольствуясь солянкой и щами. А может, собраться с силами, ухватиться за мировые клещи и сделать мировой рывок? Или, как барон Мюнхаузен, улететь за пределы континента и отдохнуть от изнуряющей сверхцивилизации. Например, в Тунисе позагорать на опустелом берегу и насладиться теплым солнышком, поесть тунца. Но и здесь начинает попугивать акула: «А браконьерство?». Даром дельце не пройдет. Даже в Африке.

Вот и сидит, как Геркулес, на распутье такой современный рыцарь в латах с вечным вопросом: ходить по миру или по миру пойти? Его ли латы изобличать?

Но и рыцарь ответит:

«Нельзя злоупотреблять мощностью. Сами знаете, Соловей-разбойник Чернобыль подорвал, а сейчас в Майдан играет. Долго следы его злодеяния по «неведомым дорожкам» ходить будут».

27.04.17

Они еще юные

Странно, но почему-то в последнее время меня стали преследовать совпадения. То бабушка умерла в тот самый день, когда был день рождения А. С. Пушкина, знаменитого поэта, на который я уехала с шумной делегацией. То выставка картин художника И. Айвазовского закончилась, как нарочно, бурным ливнем, что не дал возможности дойти до метро, и люди стояли, как кролики, в подъездах, а вода хлестала из водопроводных труб в три ручья, заливая целые улицы водой по колено. То придирчивый сосед, вечно курящий на лестничной клетке, постоянно встревал ко мне по любому поводу, чиркая зажигалкой и не давая свободно пройти, как и соседский мальчик Ваня, что всегда выкатывал велосипед, когда я выходила из двери своей квартиры.

Проблема стояла то ли в «вопросе в лоб», то ли в накладке вроде того «уса на бороде». Или все должен был решать художник, орудуя бескостной кистью, или поэт бескостным языком, или инженер-строитель бескостным умом? Разве можно иметь запасные затычки ума на все случаи жизни? И так душно и полно пробок в движении. А тут... Целый город словно мычит громкое «МУ-МУ!!!». Говори, Страна!!! Чтобы все слышали!!!

Ну что это за совпадения дня – усиления, крещендо? Как ежа проглотить! Опасное мероприятие. Лучше перестраховаться, продеть широкий ремень и: «Машина, вперед!»

Такой темп в столице. Уж не обессудьте. Слабый и больной дома сидит, нос не высывает. А смелых всегда позовут. Таким и место почетное. Вот это и есть выбор. Наверное, Юность говорит. Даже старички знают, что они еще юные.

08.05.17

Налегке

В этом городе все было не так. Будто он спал мертвым сном. Остановились часы, намертво присохли их стрелки к циферблату, отключили воду, а свет мерцал, подавая слабые маломощные тоны. Будто все люди забыли о жизни и замерли на своих местах, не зная, как решить неполадки. Только два силуэта трепетали в тенистой аллее от холодного пронизывающего ветра. Это спорили встревоженные посторонние наблюдатели. Нет, это были не проходимцы. Эти люди хотели от чистого сердца понять, что же произошло и отчего такая отставка мира или пробка в нем, что не дает людям жить просто под счастливым солнцем. Два человека разговаривали, будто вынимали из карманов все свои карты, вытряхивая из старых запасов последние сведения и из головы все, что помнили прежде, и то, что когда-либо на свете могло бы случиться.

– Совсем тяжело стало жить. Нужен министр.

– Да. Но и министр исчез. Беглый.

– Но был же у него портфель. Надо раздобыть его и узнать, что было в портфеле.

– Портфеля тоже нет.

– Но есть министр без портфеля.

– Он разве ответственное лицо?

– Скорее Филя.

– Кто?!

– Филантроп.

Человек справа махнул рукой.

– Если министр сбежал, то надо искать его чемодан.

– Ищите, ищите чемодан.

– Я нашел самых быстрых и бойких борзых. Они уже ищут.

– Четко сработано.

– Но где факты?

– Факты такие, что найдено три чемодана. А кто министр, неизвестно.

– Что за чемоданы, черт подери?!

– Их три: один без ручки, другой – без дна, третий – за бортом, с фотографиями снаружи.

– Подожди. Без ручки можно обойтись, а фотографии должны быть внутри, а не снаружи.

– Нет, чемоданы дырявые все, раз один без ручки, другой без дна, третий весь снаружи выдать. Не за что взяться, без дна – сплошная дыра.

– Но третий обклеен, как я понял, но почему фотографиями? Это же дорогой материал перерасходовали.

– Нет, даже не материал, а действительность.

– Как же так? Посмели действительность выдать за фальшивую монету?

– Да она была уже не действительность, а обман.

– О боже, мне еще пенсне нужно для убедительности.

– Чтоб невесту выдать замуж после пенсионного возраста?

– Это же конец всему!

– И этому спящему городу. Пусть просыпается. Где же эта красавица?

– Да руки не достают не то что до невесты, а до всего, что здесь вокруг. Дно бездонное.

– Скорей разлетится все в пух и прах, улетит все в космос, к чертовой бабушке!

– А я лучше пойду колорадских жуков давить у себя на даче. Что мне этот мертвый город и портфель его министра? Это самое оно: колорадскому – бой! Шлепай и шлепай.

– Вот это дельце. А то тут извращаться с ногтевыпрямителями. А все природы не хватает. Надо проще быть самим, прямее самим.

– Вот-вот. Туда и заворачиваем. И без чемоданов. Так, налегке.

10.05.17

Любимая тропка

Я иду в холодный солнечный май по любимой московской улице. Маршрут известен давно. Весенняя новизна шумно врывается в сердце и гудит, как разрывающийся шум звериных машин. Я не иду, точно ползу, как змейка, вышла из метро и продвигаюсь почти черепашьим шагом от Малого Манежа до консерватории. Сегодня там выступает Александр Малкус, исполняет виртуозные фортепианные этюды. Я как всегда тороплюсь, будто события стоят доли секунд. Почти машинально причесалась, даже не застегнула манжеты на плаще, да и часы забыла. Главное, сумочка при себе, как оберег, моя единственная и дорогая, с которой я не расстаюсь. Там всегда лежит, как амулет-звездочка, камушек-брелок для моего любимого. Я немного торможу. Будто не реагирую на привычные реакции. Точно старый недоверчивый сарацин с широким и выразительным лицом присматривает за мной и хочет упрекнуть меня за малейшую погрешность.

«Берегись», – думаю я.

Ведь в метро перебой, разбирают эскалатор, гремят железные стержни и инструменты. И люди немного встревожены московской стройкой: в Москве будто растут города мира – Париж и Нью-Йорк, Пекин и Токио. Все главные столицы переместились, перебазировались сюда. Мама!!! Что же будет? Столица растет и едет, орет на разных языках объявления. Город похож на огромное спящее чудовище, которое медленно поворачивается во сне с сокрушающим действием, будто землетрясение или обвал породы, или так крушат земли вешние воды. Все внезапно может перевернуться.

В глазах стоят картины из Малого Манежа: воздушный бой в Москве, шествие армии с Тверской, вражеский самолет над Красной площадью. Вспоминаю бабушку, как она жаловалась на головную боль из-за магнитных бурь.

Только я иду прямо и настойчиво по своей известной тропинке сквозь Тверскую, Камергерский, Газетный на Большую Никитскую к консерватории. Памятники Сергею Прокофьеву, Станиславскому и Немировичу-Данченко, позади – Главпочтамт, Макдональдс, дом, где жил Е. Гайдар, и министерство экономики его имени, памятная плита ему, напоминающая развернутый лист стенгазеты, за которую обязаны отчитаться студенты. Выхожу к памятнику П. И. Чайковскому во дворе консерватории. Перпендикулярно, словно по прямому треугольнику, идет Брюсов переулок, Дом Брюса, в залах которого белые рояли. И церковь Малого Вознесения. Вспоминаю могилку маленького Саши на Украине, братика бабушки Нины. Она тоже лежит возле маленького мальчика. И у него всегда много-много цветов. У церкви снаружи стена памяти с фотографиями погибших в Великую Отечественную войну, с цветами и вазами. Я думаю о генерале М. Г. Ефремове, что застрелился раненый, чтоб не попасть в плен к фашистам, защищая Москву. Как же могли его совсем забыть, а узнали о нем и наградили много позже после его смерти?!

Иду по Брюсову переулку. Здесь городок работников культуры и музыкантов. В одном из этих домов жил писатель Даниил Андреев, автор романа «Роза мира»; здесь старый полуразрушенный костел, где прежде была студия грамзаписи. Памятник М. Ростроповичу перегородил тропу веяний суровых ветров, а дальше, за памятником А. И. Хачатуряну, за высокой аркой, шумит улица Тверская, как огромный гремучий змей. Старая слава идет о той земле Тверской, где даже солнечным днем из земли выползают злые хозяйки, которых не тронь и не обидь. Ядовит их укусы. А правда в чем?

Стоит арка широкая перед Тверской на Брюсовом переулке, и пройти ее – целое препятствие, испытание. Глаз не видит даже. Но можно чувствовать и осознавать это.

Все от честности и признания. Каждому ли честность или, чтобы отдавать, честность, она ли и старому-престарому кресту из Некрополя, что у церкви Малого Вознесения? Там ли

правда, где был страх? И шумит Тверская... Не в том ли суть, что ты испытываешь добрые чувства ко всему живому и безобидному? Зря нельзя обижать и букашку. Хорошо, я поставила восковую свечку в церкви Малого Вознесения. Мали ли что может случиться за поворотом.

Все опять движется и убыстряется, скользит. А за поворотом мелькает ушами толстый Микки Маус, может, он хочет надуть, обворовать, в один короткий момент намыть себе руки, забывая и правду. Лучше в голову не брать такое.

Захожу в «Бахетле», там пахнет свежим хлебом и пряностями. Вот что меня взбодрит. Хотя давно закрыт военторг, отдам дань всему: и вкусу, и моде, и тому, что пережила. В горле давно непонятный привкус беды, и горчит без всех восточных пряностей. Выхожу на Калининский проспект. Всегда впереди горит рубиновая кремлевская звездочка.

Ведь тропинка-то моя вечерняя, дождливая, когда мало кто на улицу выглянет. А звездочка горит яркая, как путеводная, прямая к ней дорога по Калининскому.

Таков и мой путь, будто без окончания. Я сжимаю сумочку, там всегда камешек-сердечко, брелок. Он моему любимому.

17.05.17

Обед Енютина

Все началось с приказа управы быстро убраться на почте перед зданием администрации города. Население вдруг всколыхнулось, точно пламя возгорелось от одной искры, упавшей из трубки неаккуратного куряки. Старых куряк много было в городе. Раньше они сидели на лавочках за кустами дикой айвы. А теперь попрятались по квартирам из-за городского шума и грохота. И улицы в городе стали пусты, почти голы. По ним обычно ходили гости столицы, приезжие и студенты.

Паника началась из-за того, что перед почтой опять стали отбивать каменную плитку. Народ так и повалил на улицу. Но этого оказалось мало. Откуда ни возьмись, а наверное, прямо с больничных коек, где больных держали чуть ли не под замком, тучные мужики повалили на городские точки, будто с цепи сорвался затравленный зверь.

Мужиков точно кипятком ошпарило из-за объявления срочно мобилизоваться. Ну, раз перестраивают в городе, приходится терпеть временные неудобства.

Только непонимающие лица стали чаще появляться перед кассами магазинов, банков, почты, аптеки, в столовых. Здоровые молодые детины так и падали на обеденные столы грудью, требуя сытного обеда. Тучные мужики чуть ли не ложились на кассы. Народ, особенно, слабый пол, стоял обескураженный новой ситуацией. Хотя на общем фоне перестройки люди соблюдали спокойствие.

Вдруг на ближайшей станции метро внезапно раскрылась террористическая группировка. В городской столовой, куда частенько заходил обедать Енютин, прокатился мандраж. Теперь там всех проверяли чуть ли не за каждую тарелку супа.

«Точно огневой террор плавал именно в столовой тарелке», – думал Енютин.

Террор действительно был плавающий. Никто не знал, где, когда и как мог произойти взрыв или поджог. То ли волчий закон бандитов искал свои условия для действий, то ли он расписывал свои опознавательные знаки заранее. От этого городскому мужику стало не легче.

Енютин никогда не допускал излишеств. Он держал себя аскетично, экономно и считал, что мужчина должен всегда жить как простой солдат. Получив свои талоны на обеды в столовой, он одним из первых занял очередь за пайком.

Местные жители давно проведали про все мероприятия, что контролировала управа. Люди интуитивно чувствовали: например, в одиннадцать часов почти все соседи в доме покидают свои квартиры, в четырнадцать часов, после полудня, чаще возникают местные скандалы. В понедельник, что называют черным, может кто-нибудь умереть. А в четверг будут думать про хозяйственные дела. Обычно знали, что вторник – день скандалов, невезения, увольнений или просто несчастных случаев. По вторникам старушек чаще увозила скорая помощь, что-то не ладилось и вообще бывали чаще экстренные вызовы.

Енютин давно чувствовал неизбежность всех скользких и щепетильных ситуаций. Хотя старался уходить от столкновений с непредвиденным. Даже замкнулся в себе, суксился, сжался, как пескарь в тине. Все для того, чтобы стать незаметным для других. Но и такой ход не очень-то подействовал положительно.

И вот он опять, как нарочно во вторник, приперся в столовую, в день, когда вечно кричат, скандалят, пишут в жалобную книгу, и занял в сторонке свою очередь.

Очередь, как всегда, шла. Он взял свой паек, хотел быстро сложить поклажу в сумку и уйти, как вдруг его что-то интуитивно схватило железной рукавицей и потребовало:

– Разве смел ты это брать?! Отвечай теперь! Тут же выкладывай, зачем ты тут!!! Вот именно, тут, а не три шага отсюда.

Енютина точно рассекла молния. Он затрясся, точно сзади его чем-то ошпарило.

– Как зачем?! – замер вопрос в его голове.

Прямо на него шла вперед пышной грудью широко улыбающаяся санитарка.

– Я пришел затем же, что и все остальные, – стал убеждаться Енютин.

Уборщица бросила на него недоверчивый взгляд, мол, чего это он, Енютин, так всем мешает.

– Кто же я тогда, что нельзя пройти? Не в окно же мне лезть в таком случае. Всем до меня нет дела, точно не видят, как котятка, что мне не досталось места и так.

Енютин фыркнул даже.

– Все как под воду ушли. Не Донбасс же, право. Все зады свои пристроить успели. А я тут стой.

Енютин, как гора, двинулся к ближайшему стулу и перелил на нем свой суп. Даже к столу не приблизился. Места для него там явно не оказалось.

– Ну, не знал, что я такой дрыщ. Наплавался уже с этими щами вдоволь.

Щеки у Енютина покраснелись, как у копченой утки. Будто он сам попался на раскаленный вертел и ему изрядно нарумянили бока. О чем он и сам не ведал.

– Вот так и бывает. Угощение-то мимо, как сквозь меня пролилось. А я-то думал, обеды давать будут.

06.06.17

Вирус «Я»

Все началось с того... Даже нельзя назвать, с чего все началось. Или оттого, что одно единственное спасительное место, которое раньше могло определить твое достоинство, вдруг пропало. Вернее, его убрали. Убрали быстро, моментально, непредугаданно.

Куда теперь? Свет большой. Имеет четыре стороны. И школьные предметы знают все ясно. В счастливой стране воспитывались.

Все дерево отношений во мне превратилось в маленький теремок-точилку, что компактно уместился в кармашке возле моего сердца. Внутри заговорило непонятное существо, которое и было, наверное, сутью всех прожитых лет. Все, что порвалось снаружи, вылетело из меня непонятным ворохом, высыпалось, превратившись в некий эффект игры. Что накопилось в моем воображении за много лет, стало жить, осело в одной лишь точке моего организма, точно прививка.

Что это за существо, нельзя было объяснить. Оно было похоже и на собаку, и на амебу, и на... ну, можно сказать, и на удава, и на растение. Можно перечислять бесчисленный биологический ряд всего живого на Земле.

Только однажды это существо выросло из меня и стало вырываться наружу. Ему явно было неудобно со мной. Оно воевало внутри меня, сковывало, мешало мне и развязло во мне настолько, что вообще не могло никак совладать с окружающим светом. Стало поддаваться вредным привычкам, шло на обман, как на сладкие конфетки, и предавалось пагубным влияниям. Это было тяжело нам обоим, чувствовала я. Существо решило все-таки избавиться от меня, выйти наружу, разрушив все мои занятия до основания.

И я решила проводить своего временного жителя, вернуть его обратно, откуда оно вышло. Я приехала на то старое место, где и происходило все, что стало поводом к моей деятельности. На то место, которое некогда я считала родимым, матрицей, что питало и вдохновляло меня долгие годы. Существо сроднилось со мной, превратившись чуть ли не в мое «Я» и двигало не только мной, моим сознанием, но и той улицей, где все происходило, домами, что менялись год от года, людьми, что тоже менялись, как привычный образ жизни.

Все перемешалось там. Только мое «Я» упрямялось и было недовольно, бастовало, сопротивлялось и митинговало со страшной силой. Хорошо, я слышала его мятеж внутри себя, хотя сильно расстраивалась.

Упрямое «Я» тыркалось во все стороны. Оно вырывало из моих воспоминаний различные эффекты. Иногда казалось, что я перемещаюсь вместе с ним по всему миру, подхватываемая колдовством джинна, превращая мой эффект присутствия в постоянный смысл, забывая при этом о настоящей реальности. Я решила избавиться от навязчивого «Я» и запереть его под тяжелый спуд.

«Я» сидело наказанное долго-долго, хотело вырваться и опять же надеть свои очки, как вдруг... Это произошло внезапно, точно гавкнула собака. «Я» решило разрушить все преграды, будто выпрыгнуть из котла. Словно пушки двинулись на поле сражения. Казалось, «Я» искало свою славу.

Но... вышла жалкая картина. Оно превратилось всего-навсего в огнедышащего змия, чтобы вылететь и где-нибудь устроиться на новом месте. Устроиться поудобнее лентяйке «Я» хотелось как можно быстрее, поразив при этом слабый податливый организм и превратившись в обычную оболочку, нечто, похожее на вид.

«Злая шутка! – думала я. – Интрига судьбы, опасная игра, вирус жизни».

«Я» смотрело теперь прямо на себя в зеркало:

– Видишь, это такой человек. Какая разница, кто он – африканец, китаец, эскимос, европеец. Это уже уравнение на обе стороны – с запада на восток, с севера на юг, долгота и широта ходят по параллелям, как «я – это я».

28.06.17

Слива

1

Растет у самой дороги старая пышная слива, большие сочные плоды дает она каждый год. Рядом дом, там живет Петр Григоров. У него большое хозяйство, собаки, он читает книги и любит критиковать. Такой дотошный человек этот Григоров. Страсть у него до литературы. Сам-то не пишет ничего. Но есть у него друг, писатель Никитин Павел Семеныч. К нему он всегда на «вы». Частенько он приглашает его, как старого приятеля, посидеть у сливы, поговорить о том о сем и о чем-нибудь между делом тоже. Давно их дружба крепко завязалась, не разлей вода. Только один его сосед Иван Федоров, любопытный и страшный ротозей, постоянно вставляет свои вопросы, когда приятели отдыхают вместе. Продыху от него нет, зануда такая, как говорят некоторые, не человек, а заноза.

Каждая встреча друзей не просто абы-кабы, а целое событие, будто они полжизни друг друга не видели или съехались из какой-либо непроглядной дали.

Это и понятно: каждый своим занят, а дружба – это нечто особое, что-то вроде церемонии. У каждого своя церемония: маленькая, большая, настоящая или вроде некой игры, может даже детской, а может, рискованной и опасной.

Вот снова поспела летом слива, вышел Петр к дороге посидеть, а сам Никитина ждет, писателя своего знакомого, и просит его посидеть с ним рядом.

Вот сидит Григоров под сливой, а рядом ручей подмывает дорогу и журчит, так и заслушаться можно. И вдруг среди шума неясно кто-то говорит:

– Уж очень ты официально. Как на пенсию ты вышел, министр бы из тебя отменный стал. Строг из тебя отец.

Петр поднял голову и обрадовался. Перед ним, будто само явление, прямо, как стена, стоял Павел Никитин.

– А-а-а, Павел Семеныч. Заходи, отдохни со мной. Давно не видал тебя, заработался ли? Что у тебя за станок такой?

– Писательский, все бумаги одни шелестят, шелестят.

– О чем ты все? Как бы судьбу свою не прогадал.

– Она, и так одна бумажка.

– Бумажка-ромашка. Строчишь ты за своим станком, как из пулемета.

– Да, крошить почемучек я давно умею. Будто мишени, сбиваю их: «А судьи кто, а судьи кто?» Вот завел себе Гаврика. Каждый день теребанит в оконную раму про свою почту. Одно и то же, одно и то же.

– А ты дай ему поклевать. Почувствует, какой твой хлеб.

– Устал.

– Лучше расслабься, поболтай. А-то только занят. Я-то давно за ворота не выхожу, возле своей сливы отдыхаю. Люди не промах. Вот так жизнь и парится, что жарко, наверное, и там, на верхах, такое же вроде.

– И ты проветришься.

– Ну, рассказывай, какой ты теперь.

– Вот ты просишь меня – расскажи. А у меня не все так гладко, как может показаться на первый взгляд.

– Все равно рассказывай! – стал настаивать Петр.

Павел вздохнул и начал:

– Вот сижу я за столом, как на вышке, на пике ее, и со страхом смотрю вниз, где творятся ужасы, мучения. Много загублено людей. И сам страдаю от этого. Кто поднялся на ту гору, тот и писатель. Такая зоркая он птица. Да в небе-то корма нет. Вот и спускается писатель на землю, чтоб покормиться, а потом опять за перо.

– Хищный ты до своей работы. Хоть бы одно свое перышко обронил, чтобы знать, какое оно. Своих-то птенцов давно летать обучил?

– Думаешь, легче от этого, когда в мире все одинаковы перед Богом?

– Чего болтаешь? Лучше бы занимался делом.

– Хочешь, чтоб я ушел надолго ото всех, заперся в свой угол за бумагами?

– Да, потом набегут журналисты, корректоры, редакторы. И станут отмывать тебя дни и ночи, дни и ночи. Это я помню. Столько было шумихи во дворе, целый переполох. Все думали, свадьба. А там одни бумажки по свету разлетались.

– Целые года продолжался переполох.

– Вот-вот. Большой ворох мусора выбросили за делом.

– Это больно. Своя тельняшка ближе к телу. А тут каждый просит ее поносить. Поматросит, ну и бросит, получается.

– Да все это вроде сказки.

– Теперь это сказки. А кабы надеть ту шкуру, посмотрел бы я, как звать на помощь прибегут. «Полундра-а-а!!!» – вот что это такое.

– Думаешь, я смог бы?

– Не каждый выплывет на берег после такого кораблекрушения.

– Ведь такая мойка на кораблекрушение не похожа. Ведь любопытным только из-за зеркала видно было.

– Все это наши женщины, любовь...

– О ком ты?

– Об одной, Наталине Ольге.

– Так поговорим о женщинах, – предложил Павел.

– Я-то в них не очень-то разбираюсь. А так, как сердце чует. Раз хорошо тебе так, значит, поехали, вперед. И рукой махни, – отговорился Петр.

– Какой же ты неусидчивый. Тебе пусть бабушки стряпают: кому пирожок, а кому на бок. А я-то не просто так сижу. А дела решаю.

– Вот и наделали тебе.

Петр почувствовал, что разговор больше не клеится, пожал руку приятелю и дал ему новую гелевую ручку для письма. Павел принял подарок, положил ручку в нагрудный карман, встал с лавочки и быстро пошел к себе.

– Осторожно, пороги высокие по пути встречаются. Как бы ноги не увязли в грязи. А то от кликуш бед не напасешься.

Павел ушел быстро и вскоре мгновенно пропал, точно очутился в совсем ином, закрытом для остальных и оторванном от всех мире.

2

Всю ночь Павлу Семенычу были тяжелые видения. Приснилось кладбище, в ров проложен какой-то металлический изоматериал. Никитин вдруг почувствовал, как немеют его руки до боли в конечностях, и ужас начал напускать страшные картины в его воображение. Павел чуть не вскрикнул и проснулся.

Раздался телефонный звонок. Это старый приятель, Климентов, почему-то поднял тревогу. Он судорожно перебрасывался словами о грехе реновации, о каких-то возникших судах на этой почве, что людей возвращают в сталинизм, вроде того, что из земли выкапывают похо-

роненные временем исторические вирусы, и они опять поражают людей. Потом о лагерях, о массовой кремации стариков.

– Какой же ценой стариков заселят в новый дом! – возопил Климентов. – Седые старики стряхивают на нас пепел отживших болезней. С такими соседями лучше сразу облысеть и вечно сидеть у окна и курить сигары, даже не реагируя на то, что происходит вокруг. В городе шум, гам. В городе разве люди? Это сырье, материал. Их года уже сочтены!

– Успокойся, Сережа. – Никитин хотел остановить истерику друга, но Климентов давно приобрел личину кретина, и сдержать его было невозможно.

Климентов снова возбужденно возопил:

– Мне каждую ночь снятся утопленники, как они наедаются перед смертью, плюют на других, чтобы насытиться чужим горем и потом унести его с собой в могилу. Пусть пируют, пока плохо другим, давят кости живых ради того, чтобы утонуть в ванной. А я затыкаю себе тампонами нос, уши, перевязываю себе горло: его часто стягивает, как и лицо, будто я в собачьей маске.

– Зачем ты мне все это говоришь?

– Вчера привезли гроб, этот голубой гроб, в котором и лежал самоубийца.

Климентов даже издал протяжный стон.

– С тобой невозможно разговаривать. Тебе нужен очередной вызов, – хотел предложить Никитин помощь, но вспомнил, что Сережа давно привык к госпитальному режиму и ему нужно, наоборот, больше свежего воздуха. Но где им в шумном городе, наводненном стройкой, напитаться?

– Вызовы тебе не помогут. Крепись сам, как знаешь: помощь там, где обретишь себя.

– Друг, что же ты мне можешь сказать?! – Климентов требовательно спросил, точно экзаменуя Никитина.

– Мусорку сжигают в космосе и потопляют города на их станциях тоже. Не ходи ночами по Луне. Зрелище страшное.

– Кто бы постирал мою рубашку? Я опущен страшно, сплю, засыпаю с тяжелой головой. И боюсь проспать, как бомж.

– Твоя карта при себе? Проверь, в порядке ли она.

– Предлагаешь поставить мыльную оперу где-нибудь в Саудовской Аравии или в странах отсталой Африки?

А может быть, в Европе в каких-нибудь Средних веках? Нет, лучше быть садовником, поливать цветочки. И твой пес будет напоминать, как ты десять лет назад пахал на даче.

– Как же ты опустил?! Под тобой уже долговая яма.

– Нет, я часто спускаюсь в подвал ЖЭКа, работаю сам, как домохозяйки, и даже лаю, как и мой пес, только на дворников, что ломают деревья.

– Не скучай, дружище. Остановись. Раз твои больные ноги устали носить тебя по улицам твоей молодости. Ветер сам принесет тебе вести.

– Тебе хорошо рассуждать. Ты писатель, говоришь даже сказочно. Живешь в своей книжной столице, хозяйничаешь в книжном государстве, воюешь на книжном полигоне. Познакомил бы меня с кем-нибудь. Давно я не был Дон Кихотом.

– Челноков тебе мало, фанатов. Выгляни на улицу – стена, плотина живых людей. Пробега нет. На дорогах фуры стоят в пробках. Земля горит под ногами.

– Ну хоть с кем-нибудь, хоть с самой страшной, уродливой, на худой конец, бабой познакомь. Что скрываешь?

Никитин задумался.

– А-а. Могу предложить Глухаря. Он, правда, спичками постоянно чиркает. Или вот Хилыч есть такой. Он, правда, чихает через каждые пять минут. Отчего не знаю. То ли аллергия у него на асфальт, то ли...

- Греческой богини разве нет, писатель?
 - Откуда ей взяться? Если кто и нарядился в огромную шляпу, так это значит «беги в общественную столовую». Вот и вся любовь.
 - А вот один грек есть знакомый, шустрый малый.
 - Слепой, что ли?
 - Нет, с абсолютным слухом, с интуицией, вроде как у осы.
 - Ясно. Значит, телеграф на дому можно открыть.
 - Это дело, а то ведь наши дамы-то одолели меня со своей яичницей. Я ею сто раз уже объелся. А они опять кольца золотые требуют. От них одними яйцами не отобьешься.
 - Это все от испорченности твоей. Не строй золотые замки. И Золотая баба не будет стоять в дверях и на проходе.
 - Мне б, как у тебя, птичий язык занять. Вот это воля! Вот это полет! Фантазии...
 - Грек бы в таком случае сразу бы воскликнул «Рак!» А я бы деранул сразу через весь коридор, пулей. Не выдержал бы садизма.
 - Вот что значит невесомость. Мне бы так поплавать.
 - Ты серьезно? А не боишься, что одна каракатица тебя укусит больно-больно?
 - Ладно, не страши, лучше познакомь.
 - Потом, попозже. Ты пока успокойся. Пока.
- Никитин бросил трубку и с тяжестью выдохнул, будто передвинул огромный мешок и сильно устал. Рука его измождено опустилась, как выжатая тряпка. Никитин бросился в кресло, в котором тонкое его тельце казалось всего лишь тенью от клена из окна.

3

Сил у Никитина не было ни на что. Казалось, то, что он говорил своему другу, было напускное, поверхностное. А он-то сам трусливее Климентова, слабее и ничтожнее его во много раз. Как же он еще что-то советовал другу, ставил что-то в пример? А сам ни на что не годный, сам не может приступить к своим делам.

А еще этот всем объявленный в стране клич: «Вперед, славяне! На помощь нашим братьям!» Конечно, некоторые сильные мужики из глубинки встали и примчались сразу. Да у первых только по ошибке вышло. Вот их и перебили на Майдане. Погибли сильные люди почти без боя.

И что? Герои теперь в земле лежат. Такая же попытка была и с друзьями-журналистами. Попались на рожон. Полегли, как Стенин, перед стеной. Теперь земля будет содрогаться. Недаром «Тополи» выезжают на Красную площадь каждый год. А страхов-то, страхов! Лучше не думать. И не думать нельзя. Поехать бы в деревню. Да и туда дорога перебита стала. Так и сиди, как птичка на веточке, или бабочкой порхай.

А все это война – погоня за смыслом. Оттого она, что нового много. А там история известна многим, ложь и неправда. Что историю на дыбы поднимать?

Опять думают, чему же уподобляться? Где эта правда? Или так это, заслонка такая просто, щиток, вроде бы птички козодоя, что маскируется под щепу или сучок на дереве. Покров такой у нее. Только бы ворон не налетел.

Вот и мчится мой литобоз без остановки. Как цыган, я будто в грязи, пою, чтобы не было мрачно. Когда обоз встанет, солнце будет видно долго-долго. Светило есть у Земли, и всех видать, как мы похожи. Отдыхаю, и мне хорошо. Значит, и Бог послал мне радость, как и всем добрым людям.

Стоит мой литобоз, и тряски нет. И в голове не стучит, и шума нет. И исходят от меня будто видения, что в дороге в морщинах в память затесались. Так и мечутся вокруг меня всякие сказочные птицы, что засиделись в моей груди, точно в клетке. Зачем их сдерживать? Пусть

летят на свободу. Да вот не хотят они так просто улететь. Прикормились, пригрелись возле меня на груди. Садятся и на руку, и на грудь, и на голову. Точно я не человек, а дерево какое, где им много места на ветках. Ишь! Им там уроки задают. У каждой свой урок. Хоть не знают чудо-птицы человека, все равно летят к нему, к его языку прислушиваются.

– Эх, сладка малина на язычок, да утонуть в этих кустах осталось, провалиться. Сами знаете, бетонный век – не малолички в садике. Думали, известья будут. Ан нет: получилось камень на шею – хоть топиться. И голова об стенку вдрызг заодно. Разве здесь что получается? Подай только метод или способ – с охотой все будут уподобляться ему. Вот и бетон заливай теперь. Слива растет большая у самих Грегоровых ворот. А «Ромео и Джульетту» пусть молодежь читает. Вот на этом месте у следователя очки и съехали на нос.

Молодежь вылетела из автобуса прямо возле его конторы. А хаос! Крик, визг, писк. Делов-то сколько сразу прибавилось! Тут одними пирожками пожар такой не потушишь. Сидит Никитин и сам с собой рассуждает, вспоминает свою юность:

– Знал я одну сливу в детстве. Ее дед мой посадил у себя во дворе. Вкусная была. Да выродилась, не стало ее. А вот другая, грегоровская, тоже вкусная. Вот так стою и думаю, что от одной до другой сливы путь оказался почти в полвека. Спелая ягода – редкость, да важность в ней особая.

Извозил я своим пером полные тетради, точно вола я на себе перенес. Черные тетради мои от записей, да сладкие в них песни, как эти черные сливы, путь к которым в полвека.

10.06.17

Наше, родное... русское

Смекалист русский мужик, хитер, сам дурак дураком, а рыльце у него в пушку. И усы втихаря он покручивает. Или вот дед один непонятный сидит, да место свое знает. Вроде как пуп он. А то еще и бороду отпустит. А на самом деле молодой такой, но как дед с бородой. Уж точно сущий дед. Ну, только куда такому в приличное место, с лохматой бородой. Дома закройся и сиди размышляй. А то как выйдет, как сорвется из деревни, да еще конским навозом попахивать начнет.

Вот оно где самое-то настоящее дело было. Уж без конского навоза никак русскому мужику нельзя. Ничего возможного тогда не представится.

Вот какая наша русская культура! Так, в деревнях, в сараях, в конюшнях, да в курятниках картины висят Шишкина, Сурикова и еще Лиотара в придачу. Где картины, там и навоз. Вот оно, чувство эстетики! Наше, родное... русское.

И сколько нас очерняли и очернять будут!!!

13.06.17

Рубль в кармане

Похоже, джинн залез в джинсовый карман. И уснул в нем, свернувшись как змейка, с обратной стороны рубля, вроде маленькой травинки, что отпечатана на рубле. Я чуяла подвох. Все оттого, что у меня недоставало всего лишь одного рубля для расчета. Рубль очень понадобился. А его, как нарочно, не оказалось. Всего-то один единственный рубль, чтобы оплатить счет, и его нет. Я поискала в сумке, в кошельке. Рубля нет. В сумке оказались только леденцы. Но их даже бабушка не возьмет на перекрестке с протянутой рукой, а предпочтет железный рубль.

А ведь я хотела купить белый бисер. Я чуяла подвох. Один рубль – и так расстроил мое дело. Может, поискать в карманах? Туда рубль какой-нибудь и закатился... Нет. Рубля и там не оказалось. А так хочется купить белый бисер и сесть за вышивку. Видать, заморожено мое предприятие. Так и буду сидеть и куковать. И все из-за одного рубля. А время идет.

Как ни крути тут свои фантазии и расчеты, без дела сидеть, разинув рот, пока все отдыхают, просто скучно. Я и так будто наказана: одна, да еще рубля не оказалось, чтобы скрасить одиночество досугом. Ладно, пойду гулять, куда ноги выведут. Чего лишнего в голову брать? Улиц много знакомых, не ошибусь. Там я всегда как своя. И то приятно. Не то что недоразумение из-за рубля, которого не хватило. И столько расстройств вышло. Собираюсь и выхожу гулять и ни о чем не думаю!

Надеваю джинсы и джинсовый пиджак. У самой двери засовываю руку в карман. И тут нате, рубль так и выкатился мне в ладошку, а вместе с ним и конфета. Вот даже здесь, как назло, рубль достался, чтобы я поскорей занялась делом. Все настроение перебил. И не до гуляния. Опять теперь ехать через весь город за белым бисером. Так из ничего бизнес и выходит. Из стихотворения – варение, из варения – леденцы, из конфет – и рубль. Один поэт за рубль свои автографы раздавал. И миллионером стал поэтому.

28.06.17

Облако Айвазовского

Вот обычай был на Руси еще в старые времена. Как вскипел чайник, то лучше не говори и не спрашивай о нем. Неприлично. Хозяин сам, когда нужно, нальет чайку. Вернее, когда чайник поостынет, тогда и можно пригласить к столу.

Чайники были большие, даже огромные, чугунные. Они долго закипали. Ставили чайник утром, закипал он к обеду, а к вечеру он только остывал.

Вот и сиди весь день и на чайник тот любуйся. А хочешь – мечтай. Проще галок за окном сосчитать. Да что галки? А вот облака-то самые настоящие небесные цветы и картины. Одно заглядение! Я их так и называю – «облака Айвазовского». Очень уж они живое существо напоминают, похожие на него с виду. А еще и игру на небе устроили, драму разыгрывают. Вот-вот набросятся все вместе и накроют небо.

Я даже окно закрыла, чего доброго, от греха подальше. Лучше за чайником смотреть. Хотя это и неприлично – чайник на узде держать. Даже облако в окне огрызнулось, вроде Лиса Патрикеевна пошутить хочет и парик расчесывает.

Так с чайником и сижу, сторожу и сторожу его. А на небе чуть ли не весь мир перевернулся. А я сижу. Каким миром, каким светом этот переполох возник: зеленый лес шумит, рвется листва, тучи несутся. Никак святой Патрик к нам пожаловал и в высоком зеленом цилиндре выглядывает из-за деревьев.

Я-то сначала подумала, это чайник чугунный закипает. Так шумело и гудело на кухне. А это ветер завыл, заскрежетало, застонало даже протяжно на улице. Или кто ломится нехороший со стороны? Не для лихого ль люда полдень прошел?

Только у чайника этого, чугунного, что решил в унисон ветру подпевать, получилась накладка. Чайник кипел, разогретый до накала. Терма итальянская, а не чайник. И ветер буянил – то ли хлам с неба хотел убрать, то ли играть хотелось очень ему, как дитю шаловливому. Такой вот бедолага этот ветер.

А чайник сильно разогрелся, даже расшумелся. Точно цветок большущий расправил свои лепестки. Только нельзя такое потрогать, тем более взять голыми руками. Да и глядеть не стоит. А чайку хочется все-таки.

Так весь день сиди голодный и на чайник тот любуйся. К вечеру он и поостынет. Тогда и угощение приятно. Вот когда можно к столу. Правило, обычай соблюдай, а на скорую руку горячего не бери.

Да одна-то я, сидючи, перетерпела, на чайник глядячи. И чем теперь ужинать? Будто уже и не стоит. Вот если бы с друзьями. Зря, что ли, они весь день пребывали, чайник слушали, как он гремит. Ждали долго, вот и расхотелось к вечеру чай пить.

С утра надо было поесть дома, это верно. Да, по правде сказать, не в чайнике дело. А повод есть с друзьями поболтать. Да где они теперь? Так одна я и просидела. Терпи не терпи, а целое искусство – «облако Айвазовского» на небе отыскивать.

30.06.17

Удав решил съесть крокодила (Открытое письмо о любви)

Улитке было смешно

Удав решил съесть крокодила...

Все прежние встречи и объяснения были сведены к нулю. У меня не осталось и друга поблизости. Пустыня.

Будто все мирно, спокойно. Я хозяин. Но тут появился человек. Она издалека дала о себе знать.

Это был отдаленный свет, огонек. Я думал, она меня сразу узнала. И решил отвечать ей. Но ошибся. Меня не узнавали. Даже путались от моих заявлений, принимали за другого. Не узнавали мое лицо. Думали, я болею.

Но я же давно ждал ту отдаленную любовь за миллион километров. Все только и говорили: «Это твоя болезнь! Лечись!» Но где взять деньги, чтоб вылечить такое во мне? Просто со мной произошел крошечный провал, из которого нужно было выбираться, чтоб остаться живым.

Я смотрел на ту далекую звезду и думал: «Наверное, когда-нибудь я попаду туда. Когда-нибудь это случится. И меня поймут, наверное, узнают».

Удав решил съесть крокодила...

Последним дедушкиным шедевром был вырезанный деревянный крест Христа, который по легенде принес нильский крокодил.

Дедушкин шедевр стоял в моих глазах, как отравленное чувство. Казалось, крокодил обязательно проглотит этот огромный крест и Христа на нем. И с грязью, и с илом в своем животе перевезет его на другой берег реки и выплюнет наконец, как совсем неусвояемое и отвратное.

Но на кресте был прикован Иисус-человек. Это был, конечно, маленький крестик, а не в полный рост человека, даже больше, как можно подумать с первого раза. Он-то и попал в кишечник рептилии.

Все-таки крест был значительной высоты, а не тот, что каждый христианин носит на своей шее. И он стал отвратителен от зловещей усмешки коварной рептилии. Мне чудились страхи, хищники, казнь, смерть, запах крови сырого мяса. И еще один гигант, кит, которому тоже не по нраву стало такое отвращение. У кита дикий нрав, но он и настойчив, силен, и даже зол. Не готов принять легкие, мелкие подачки. Он будет долго терпеть, но не променяет свою волю. И будет ждать, ждать, ждать своего часа, года, звезды...

На чем же держится мир? На этих китах, или слонах, или черепахах?

Почему-то мира стало мало. А значит, мир – антимир.

И снова усмехнулся странной улыбкой крокодил, что принес Христа с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.